

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

В.П. ВИШНЕВСКИЙ, д.э.н., профессор,

vvishn@mail.ru,

Институт экономики промышленности НАН Украины,

г. Донецк, Украина,

Е.Н. ВИШНЕВСКАЯ, к.э.н., доцент,

vishn.elen@gmail.com,

А.В. ГУРНАК, к.э.н., доцент,

gurnak@rambler.ru,

Донецкий национальный технический университет,

г. Донецк, Украина

РОЛЬ НАЛОГОВ В ВОЗВЫШЕНИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению налоговых систем с позиций эволюционной экономической теории через призму налоговых популяций – реально существующей матрицы, образованной пересечением универсальных налогов с уникальной географически и биологически детерминированной идеологией, отражённой в формальных и неформальных налоговых правилах-институтах.

Выделено несколько типовых налоговых популяций, а в качестве примера рассмотрена Китайско-Восточноазиатская налоговая популяция, базирующаяся на конфуцианстве. Эта популяция, в отличие от Европейской, будет продолжать расширяться и усиливать своё влияние в мире, поскольку правила-институты входящих в неё стран продемонстрировали свою высокую приспособляемость и эффективность.

Сделан вывод, что эти обстоятельства и долговременные эволюционные факторы важно учитывать при выборе стратегического вектора развития Украины и её налоговой системы, который часто неоправданно характеризуют как "безальтернативно европейский".

Ключевые слова: институциональная экономика, эволюция, институты, налоговые системы, налоговые популяции, конфуцианский капитализм

Статью посвящено розгляду податкових систем з позицій еволюційної економічної теорії через призму податкових популяцій – реально існуючої матриці, утвореної перетинанням універсальних податків з унікальною географічно і біологічно детермінованою ідеологією, відображеною у формальних і неформальних податкових правилах-інститутах.

Виділено кілька типових податкових популяцій, а як приклад розглянуто Китайсько-Східноазіатську податкову популяцію, що базується на конфуціанстві. Ця популяція, на відміну від Європейської, буде продовжувати розширю-

ватися і посилювати свій вплив у світі, оскільки правила-інститути країн, які входять до неї, продемонстрували свою високу пристосовуваність і ефективність.

Зроблено висновок, що ці обставини й довготривалі еволюційні фактори важливо враховувати при виборі стратегічного вектору розвитку України та її податкової системи, який часто невинуватно характеризують як "безальтернативно європейський".

Ключові слова: еволюція, інститути, податкові системи, податкові популяції, конфуціанський капіталізм

V.P. Visnievski,

E.N. Vishnevskaya,

A.V. Gurnak

The Role of Taxes in the Rise of East Asia: an Evolutionary Aspect

Modern trends are that the ideology of European civilization has lately been losing leading position. There strengthened competing ideologies of Chinese, Indian and Muslim civilizations that are based on current economic success and originate from an alternative vision of the world and the premises that the individual is not sovereign, but, above all, a part of society.

These circumstances determined the purpose of article: a review of contemporary models of tax systems not from the usual abstract position (for all time) or state-national context (for example, as part of the British, American, German, Japanese, etc., capitalism) and through the prism of tax populations - actually existing matrix formed by the intersection of taxes applied, including the universal objects of the global economy, with a unique ideology rooted in genetic and cultural characteristics of the population of different areas within which there dominates

© В.П. Вишнеvский, Е.Н. Вишнеvская,
А.В. Гурнак, 2014

<http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=37579>

<http://www.instud.net>, <http://www.nbu.gov.ua/>

their own ideology reflected in formal and informal institutions - tax rules.

In today's world there can be distinguished several typical (maternal) tax populations according to such factors as geographical boundaries (area) the dominant genotype (race), the dominant socio-cultural setting, the level, composition and structure of taxes, especially the relationship of government institutions and taxes. These are populations of European, Chinese, East Asian, South Asian, Indian, Middle Eastern, and Maghreb. Allocation of such a model (maternal) populations due to tax as underlying factors of geography (climate and terrain) and biology (the dominant genotype) and derived factors - socio-cultural settings, specificity of the attitude to the institutions of government and taxes which, in the case of the apparent success of maternal population can spread far beyond the original geographic area and the race dominant in it.

An example of the Sino-East Asian population of the tax, which are the main representatives of China, South Korea and Japan, was considered. These countries and their economic and cultural systems are united by the cultural and civilizational Confucian specificity: different from the European understanding of the role of a man in society, the goals of economic activity and the relationship between government and business entities.

Sino-East Asian tax population formed and develops its steady type of economic relations between the people and the government, in fact - a special type of social organization that is based on other than in the West, historical and ideological tradition. Regarding the actual tax system, the specifics of this population can be described in four main provisions: (1) moderate official taxes of conventional (Western European) type (value added, wages, profits), (2) the coexistence of formal and informal taxes (those that have not passed the legislative democratic procedures) "tax-like" payments, (3) representation of the authorities by the responsible elite officials of the samurai-Mandarin type; (4) the special relationship of power to different taxpayers included in the network of social coordination (hierarchy and harmony).

Such a tax system demonstrates its high adaptability, and Sino-East Asian population as a whole – as the countries included in this population show a common positive socio-economic dynamics.

Modern long-term trends are that Sino-East Asian tax populations will continue to gradually grow further, but not at the expense of expansion in the European style - as a result of military and / or colonial occupation of new lands and coercion of new subjects to obey the authorities and metropolitan tax (including hidden) - but due to the expansion through the growth of East Asian economies and, consequently, of the sociocultural norms on which it

is based. A European tax population (Western European subpopulation) will decline as well as its influence in the world.

It was concluded that these circumstances and long-term evolutionary factors important to take into account when choosing a strategic direction of developing the economy the tax system in Ukraine based on the Eurasian socio-cultural traditions, often unfairly characterized as "uncontested European".

Keywords: evolution, institutions, tax system, tax population Confucian capitalism.

Налоги – это экономические отношения между людьми и властью, которые формируются и развиваются в цивилизационно-культурном контексте. И зависят налоги, помимо всего прочего, от особенностей эволюции этих экономических отношений в пространстве и времени.

Цивилизации и культуры в мире разные, и соответственно, у них разные налоги. Ещё 1000-2000 лет назад это можно было видеть очень чётко: налоги (источники доходов государств) в древнем Китае, Индии, Египте и др. существенно различались. Тогда налоговые системы были изолированы и строились в контексте специфики данной цивилизации, каждая из которых представляет собой результат уникального территориально обособленного процесса генно-культурной коэволюции.

Сейчас ситуация существенно изменилась. Основные причины – это:

(а) глобализация современной экономики, в которой повсеместно первую скрипку играют транснациональные корпорации – хозяйственные объединения людей, основанные на принципе ограниченной ответственности, связанные между собой через глобальные цепочки создания стоимости и действующие поверх государственных, культурных и цивилизационных границ. Их главные черты: управление через документальный учёт в денежных измерителях, основанный на универсальном для всего мира принципе двойной записи; по сути универсальная обязательная публичная отчётность плюс специальные институты, которые могут её проверить, подтвердить и наказать, если отчётность не подтверждается. Отсюда – универсальные объекты современного налогообложения: стоимость, добавленная изготовлением товаров и оказанием услуг; заработная плата наёмных работников (часть задокументированных затрат на производство и реализацию этих товаров и услуг); прибыль собственников предприятий.

(б) глобализация современной идеологии – преобладание в течение двух последних столетий идей и ценностей европейской цивилизации, исходящих из представления о том, что люди – это суверенные рационально действующие эгоистичные индивиды, озабоченные максимизацией приобретательства [22, с. 18], а их свободная конкуренция – единственный способ эффективного использования ограниченных ресурсов Земли. Именно эта идеология лежит в основе универсальных курсов "PublicFinance", принятых теперь в качестве шаблона для обучения налогам и построения налоговых систем во многих странах мира. И если бы такая идеология действительно победила (как это предсказывал Ф. Фукуяма [34]), то в конечном счёте по всему миру были бы сформированы универсальные налоговые системы в стиле мирового налогового кодекса (проекты которого уже разрабатывались [13]).

(в) массовая миграция людей, относящихся к разным расам, религиям и культурам, обусловленная, в том числе, относительно низким уровнем рождаемости в богатых странах Запада, так что численность народов европейского происхождения стала сокращаться в абсолютном и относительном выражении. В Европе, если она будет стремиться поддерживать высокие социальные стандарты и сохранять на нынешнем уровне количество трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет, придётся до 2050 г. допустить въезд 169 млн иммигрантов [25, с. 40]. В США численность граждан, предки которых не были европейцами, увеличилась с 16 млн чел. в 1960 г. до 80 млн. чел. в 2000 г. [25, с. 13], а к 2050 г. американцы европейского происхождения вообще могут стать меньшинством [25, с. 192]. Это естественным образом приводит к распространению налоговых норм принимающих стран Запада на новые и новые массы людей.

Тем не менее, если характеризовать ситуацию в целом, победа европейского типа "общечеловеков" не состоялась и цивилизации не исчезли. Они есть и они развиваются как через взаимодействие, так и противодействие, столкновение [36]. Те миллионы людей, которые вливаются теперь в Европу из Северной Африки и с Ближнего Востока "несут с собой арабскую и мусульманскую культуры, традицию, веру и создают копии родного мира в самом сердце Запада" [25, с. 142], а в США "мексиканские американцы создают ... испаноязычную культуру, отличную от американской. То есть фактически становятся нацией

внутри нации" [25, с. 177].

Более того, современные тенденции таковы, что идеология европейской цивилизации в последнее время теряет лидирующие позиции. Усилились основанные на современных экономических успехах конкурирующие идеологии китайской, индийской и мусульманской цивилизаций, которые исходят из альтернативного видения мира и предпосылки о том, что индивид – это не суверен, а, прежде всего, часть общества.

Проблемы анализа современного развития с позиций эволюционного подхода и разнообразия хозяйственных систем становятся всё более актуальными. Им посвящено большое число научных исследований, как отечественных, так и зарубежных специалистов. Методология рассмотрена в работах Р. Нельсона и С. Винтера [29], G. Hodgson [12], U. Witt [23], теория и практика – в работах С. Хантингтона [36], Дж. Даймонда [27], Ю. Пахомова и Ю. Павленко [37]. Вопросы разнообразия капитализмов поднимают М. Albert [2], R. Dore [7], D. Rodrik [18]. Что касается налогов, то в эволюционном контексте они рассматриваются меньше (см., например, работы К. Bloomquist [4], A. Christians [5], K. Garbarino [10], C. Steinmo [19]).

Обычно налоговая проблематика (помимо традиционной неоклассики) рассматривается с институциональных позиций. Однако, как справедливо отмечает Дж. Даймонд "... сегодня растёт понимание того, что "институциональный" подход к проблеме недостаточен – не ошибочен, а именно недостаточен ... Нельзя просто поделить опыт работы эффективных институтов с бедными странами вроде Парагвая и Мали и ждать, что они применят полученные знания и по показателям ВВП на душу населения догонят Соединённые Штаты и Швейцарию. ... Эффективные институты – это не случайный параметр, который мог с равной вероятностью появиться у любого общества планеты, будь то Дания или Сомали. С моей точки зрения, эффективные институты всегда возникали как результат длинной цепочки исторических свершений – восхождения от исходных факторов географического характера к производным от них непосредственным факторам, среди которых есть и институциональные" [27, с. 561].

Указанные обстоятельства определили цель настоящей работы – рассмотрение налоговых систем (в данном случае – практикуемых в Восточной Азии) не с обычной абст-

рактной позиции (для всех времён и народов) или в государственно-национальном контексте (например, как элемент британского, американского, германского, японского и т. д. капитализмов[7]), а через призму налоговых популяций – реально существующей матрицы, образованной пересечением налогов, применяемых, в том числе, к универсальным объектам глобальной экономики, с уникальной идеологией, коренящейся в генно-культурных особенностях населения разных территорий, в границах которых доминирует своя идеология, отражённая в формальных и неформальных налоговых правилах-институтах.

При этом следует учитывать, что, с одной стороны, такие налоговые популяции выходят за рамки государственных границ, поскольку последние исторически случайны и могут объединять людей, относящихся к разным цивилизациям, с разным отношением к институтам власти и налогам. А, с другой стороны, внутри отдельных стран могут формироваться анклавные чужие популяции, живущие по своим социокультурным, в том числе налоговым (прежде всего неформальным) правилам.

В этом смысле налоговые популяции – это вид "длинной" глобальной конкуренции в форме материальных налоговых отношений за лучшие способы общественной организации, которая ведёт к существенному изменению нынешнего мирового порядка. Если, например, в США к 2050 г. большинство населения будут действительно составлять люди неевропейского населения, отношение которых к власти и налогам было и остаётся устойчиво специфическим [25, с.194], то налоговая система этой страны неизбежно приобретёт новое содержание, даже если формальные налоговые нормы принципиально не изменятся. И будет ли основанное на них государство успешным – это большой вопрос.

В современном мире можно выделить несколько типовых (материнских) налоговых популяций: Европейская, Китайско-Восточноазиатская, Индийско-Южноазиатская, Ближневосточно-Магрибская. Для их идентификации использовались исходные факторы географии (климатические условия и рельеф местности) и биологии (доминирующий генотип). Но ключевое значение при этом отводилось производным факторам – социокультурным установкам, особенностям отношения к институтам власти и налогам, которые, в случае явного успеха материнской популяции, могут распростра-

няться далеко за пределы первоначального географического ареала и доминирующей в нём расы.

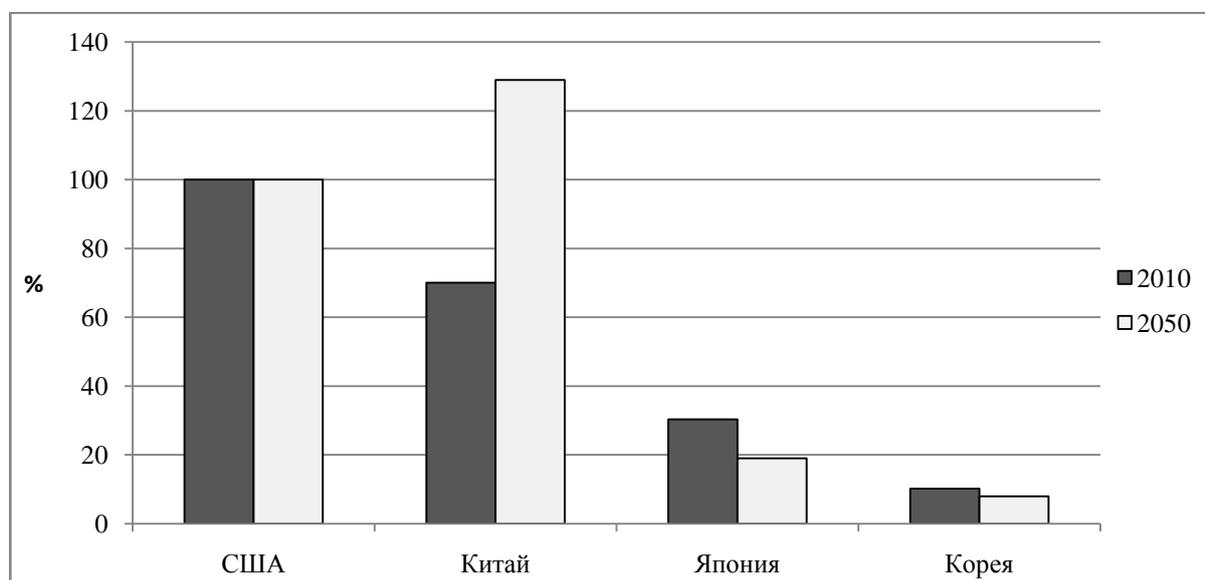
Китайско-Восточноазиатская налоговая популяция представлена расой восточных азиатов (EastAsians), часто также называемых монголоидами (к их числу относят коренных жителей Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета[14, с. 81]). IQ восточных азиатов (100-120) выше, чем европейцев, что, по-видимому, может быть объяснено, в том числе, генетическими факторами[14, с. 96-97]. Страны представители – Китайская Народная Республика, Япония, Корейская республика (Южная Корея). Преобладающим мировоззрением (религией) является конфуцианство[8], которое требует, с одной стороны, чтобы функции управления государством выполнялись образованными и морально безупречными людьми, а, с другой стороны, чтобы правилом поведения каждого индивида были действия во благо народа и государства, а не следование своекорыстным интересам, так что: "Гармония и сотрудничество предпочитают разногласиям и конкуренции. Сохранение порядка и уважение к иерархии были главными ценностями"[9, с. 24]. Что касается хозяйственной этики и налоговых правил, то в отличие от широко известных европейских принципов А. Смита, которым немногим более 200 лет, конфуцианские налоговые правила насчитывают более 2000 лет. Они требуют ограничения налоговых полномочий правителей и умеренных налогов для подданных[1]. Это требование сочетается с относительно тёплым климатом Юго-Восточной Азии. И, действительно, налоги здесь традиционно ниже, чем в Западной Европе: в Китае 11% ВВП или 0,9 тыс. долл./чел., Японии – 10% ВВП или 3,3 тыс. долл./чел., Южной Кореи 16% ВВП или 4,6 тыс. долл./чел. (с учётом ППС по данным за 2011 г.[20]). Налоговое законодательство по критерию времени, затрачиваемого на выполнение налоговых обязательств, сложнее в Японии и Китае, и менее сложное в Южной Корее[17]. Коррупция в странах Китайско-Восточноазиатской налоговой популяции с преобладающим конфуцианским мировоззрением относительно невысока: по индексу её восприятия Япония занимает 18 место в мире, Южная Корея – 46, Китай – 80 Развитие Восточной Азии на ближайшие десятилетия всё больше связывают с Китаем. Это обусловлено быстрыми темпами роста материкового Китая, трёх "малых" Китаев, а также значительной ролью,

которую играют этнические китайцы в экономике Таиланда, Малайзии, Индонезии и Филиппин.

Ядро Китайско-Восточноазиатской налоговой популяции составляет "Большой Китай", который из абстрактного понятия превратился в быстро растущую культурную и экономическую реалию, а вся восточноазиатская экономика (вне Японии и Кореи) сегодня по сути является китайской экономикой. Характеризуя такой взлёт Китая и его растущее влияние в мире (рис. 1) Ли Кван Ю отметил: "Невозможно делать вид, будто это просто ещё один ведущий игрок. Это самый крупный игрок за всю человеческую историю"[36, с. 369].

Жители Китая на протяжении всей истории существования воспринимали свою страну

как Срединное царство и твёрдо были уверены в превосходстве китайской цивилизации над культурами других народов, которые считались варварами: "Традиционный взгляд китайцев на мир был отражением конфуцианского представления о чётко структурированном иерархическом обществе. Иностранные монархи и страны считались данниками Срединной империи: 'На небе не бывает двух солнц, на земле не может быть двух императоров' " [36, с. 375]. Отношения между странами восточноазиатского региона можно назвать "синоцентрическими", когда страны ранжировались в зависимости от степени подчинённости Пекину, сотрудничества с ним или автономии от Пекина.

Рис. 1. Прогнозы ВВП стран Юго-Восточной Азии в сравнении с США (с учётом паритета покупательной способности – ППС)

Рассчитано по: [20; 11]

С глубокой древности и до настоящего времени Китай производит впечатления политического, культурного и лингвистического монолита. Он вступил в фазу политической консолидации ещё за два века до н. э. и оставался единым на протяжении почти всех столетий, минувших с тех пор.

Своеобразным символом единства и закрытости страны является Великая китайская стена, сооружение которой было начато в 221 г. до н. э. И вопреки бытующему мнению, что стена служила защитой от набегов врагов, её назначение следует трактовать в более широком смысле: она должна была предохранять подданных "Срединной империи" от перехода

к полукочевому образу жизни, характерному для варваров. Стена должна была чётко зафиксировать границы китайской цивилизации и способствовать консолидации единой империи, недавно образовавшейся из ряда отдельных царств.

Ещё одним символом закрытости Китая является его письменность. Уникальный язык изолировал китайцев от других людей и сформировал значительные различия между Китаем и всем остальным миром. Сотни сложных иероглифов в некотором смысле защищали Китай от вторжения чужой культуры, навязывания зарубежных традиций.

В основе китайской культуры и религии

лежит конфуцианская система ценностей, которую разделяет большинство стран Восточноазиатского региона. Главным в конфуцианстве являются вопросы этики, морали достижение социальной гармонии. Высшим законом взаимоотношений людей в обществе и семье является понятие "гуманность", которое достигается путём нравственного самосовершенствования на основе соблюдения "этикета" – норм поведения, которые базируются на почтительности и уважении к старшим по возрасту и положению, преданности государю, вежливости и т. д. Власть правителя признавалась священной, дарованной свыше, т. е. идеи о ведущей роли государства с его бюрократической иерархией глубоко заложены в китайские традиции с централизованным регулированием хозяйства и неизменной ставкой на лидера-мудреца.

Представления Конфуция об обществе пронизывают многие сферы жизни. Именно знания и образованность лежат в основе достижения высокого общественного положения в Китае, а не родовитость или богатство, и: "Этот исторический опыт был радикально отличен от процессов, составлявших суть европейской истории в период средневековья, где развитие определялось утверждением института частной собственности и рынка, ставших основой перехода Западной Европы к буржуазному обществу" [28, с. 295].

В Китае никогда не было закрытых каст или слоёв, а общество отличалось высокой вертикальной мобильностью. Статус отца наследовал лишь старший сын, остальные опускались по социальной лестнице на ступеньку вниз. В результате прямые потомки императора по прошествии нескольких поколений могли оказаться у основания социальной пирамиды, а человек из низов, который успешно сдал экзамены по конфуцианской науке, мог со временем войти в императорскую свиту.

И если в начале XX в. в Китае многие считали конфуцианство источником отсталости страны, то к его концу азиатские политические лидеры, параллельно с западными специалистами в области общественных наук, стали воспринимать конфуцианство как источник прогресса всего региона, в целом, и Китая, в частности: "Именно идеи Конфуция были взяты на вооружение правительством для легитимизации проводимых рыночных реформ. На смену маосистским пришли конфуцианские мировоззренческие установки, понятные китайцам и отвечающие их культур-

ным традициям (такие, например, как: 'Хорошо быть богатым и тем самым стать примером другим'). Провозглашаемая конфуцианством приоритетность дисциплины и строгая система старшинства, преданность работодателю, бережливость и тяга к повышению своего образования определяла те принципы и ориентиры, с которыми приходилось считаться всем вовлечённым в коммерческую деятельность" [33, с. 80].

Правительство Сингапура и Тайваня также неоднократно заявляли, что являются наследниками конфуцианской мысли. И как утверждает С. Хантингтон: "Независимо от того, что хотят утвердить китайские лидеры – авторитаризм или демократию, – они хотят узаконить это при помощи своей общей китайской культуры, а не импортированных китайских концепций" [35, с. 85].

Характер и особенности менталитета жителей Китая. Основные качества китайской нации складывались веками и тысячелетиями. К наиболее характерным положительным её чертам относятся: терпение и настойчивость, коллективизм и сплочённость, дисциплинированность и патриотизм. К отрицательным её чертам можно отнести внушаемость (зачастую легко перерастающую в фанатизм) и завышенную самооценку.

На формирование терпения, настойчивости, коллективизма и сплочённости у китайской нации в значительной степени повлияли внешние факторы: сложные природные условия, характер быта и рабочей деятельности китайцев: "... для борьбы со стихийными бедствиями (наводнениями, тайфунами, засухами) требовались совместные действия многих тысяч и даже миллионов людей. В основу способа производства в Китае лёг принцип коллективной обработки земли, требующей дополнительных усилий для создания ирригационных сооружений. Скудность проживания и постоянное окружение отдельного индивидуума множеством себе подобных способствовали подавлению индивидуалистических черт характера и развитию коллективизма"[31]. Ограниченность природных ресурсов (в том числе продуктов питания при многочисленном населении) выработали в китайцах чувства бережливости и прагматизма. Для достижения своих целей китайцы привыкли рассчитывать до малейших деталей наиболее экономный путь.

Китайский менталитет характеризует такой пример из войны в Корее: "... американские солдаты сходили с ума, видя, как на сме-

ну первой волне атакующих китайских "добровольцев", практически уничтожаемой шквальным огнем, приходили вторая, третья, а затем новые потоки человеческих тел. Безусловно, в данном случае можно было бы говорить о героизме китайцев, если бы не существование традиционного для них представления, что физическая смерть предпочтительнее "потери лица". Смерть на поле боя для китайца в той войне была меньшим злом, чем возможность быть расстрелянным за бегство от врага" [31].

В китайском обществе традиционно большую роль играют семейно-клановые отношения. Именно по этой причине китайская хозяйственная среда ориентирована на малый и средний бизнес, организованный по иерархической семейной схеме, что делает его мало восприимчивым к внешним влияниям, в том числе к современному профессиональному менеджменту [33, с. 80].

К важнейшим качеством китайцев можно отнести также их патриотизм, готовность принести себя в жертву ради интересов страны. По представлению жителей Китая, человек – это всего лишь винтик в миллиардном механизме государства. А интересы государства требуют жертв: только в 1989 г. при подавлении выступлений китайских студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине было расстреляно около 30 тыс. участников уличных беспорядков. При этом до сих пор нет однозначной оценки причин массовых выступлений (одни митингующие выступали в поддержку реформ в стране, другие – наоборот). Тем не менее, жизни многих сотен людей были без колебаний принесены в жертву стабильности в государстве.

Благодаря сильно развитым патриотизму и приверженности традициям Китай так и не стал колонией европейских государств (в отличие от, например, Индии) в классическом понимании. История показывает, что несмотря на то, что он не раз бывал завоёван, при этом Китай всегда оставался Китаем, тогда как завоеватели "окитаивались". Разумеется, страна многое получила за счёт навязанных ей (зачастую силой) идей или институтов и во многом сама стала ориентироваться на европейские стандарты в экономическом и социально-политическом развитии. Однако все это происходило на фоне сопротивления традиционной культуры и менталитета, в условиях сопротивления, иногда даже вооружённого.

В настоящее время ситуация мало изме-

нилась. Так, за период реформ множество молодых китайцев начало обучаться в западных университетах. Но при этом они не стали яркими приверженцами западных идеалов и ценностей. Большинство китайской молодёжи разделяет заявления своих лидеров о том, что западная демократия противоречит китайским духовным ценностям. По их мнению, для Китая главной задачей в настоящее время является физическое выживание народа и проведение экономических реформ, а не свобода выражения мнений.

Вместе с тем, "... не все особенности Китая благотворно сказались на результатах реформ. С одной стороны, традиционная склонность китайцев к уважению и подчинению иерархической власти и авторитету вообще, приоритет общественных ценностей над личными обеспечивали сохранение жёсткой вертикали власти и управления экономикой. Особая роль семейных отношений и неформальных связей упрощала процесс создания и функционирования малых и средних коммерческих структур, повышала их деловую мобильность. С другой стороны, этим социокультурным особенностям был присущ и негативный аспект: замкнутость "семейных" структур, слабая подверженность влиянию внешних позитивных факторов, отсутствие внешней необходимой свободы и гибкости в сфере инноваций" [33, с. 78].

Современная налоговая система Китая содержит обычные широко распространённые в мире налоги, основанные на современном бухгалтерском учёте и определении финансовых результатов хозяйственной деятельности: это налог на прибыль корпораций, подоходный налог с физических лиц и НДС, а также традиционные налоги на товары и услуги, ресурсы и собственность. Общий уровень налогов в Китае всё ещё сравнительно невысок и составляет в последние годы менее 1 тыс. долл./чел. (с учётом паритета покупательной способности в ценах 2005 г.) (табл. 1). Тем не менее постепенно с ростом доходов населения увеличиваются и налоги – как в абсолютном выражении, так и в относительном, в % к ВВП Китая. Таким образом относительные размеры государства постепенно увеличиваются.

Несмотря на небольшое количество налоговых платежей и затрачиваемое на них время, выполнение налоговых обязательств типовым предприятием в Китае является довольно затратным, что связано с относительно высоким налоговым бременем [17]. Но свиде-

тельствует ли это о том, что Китай на современном этапе развития отошёл от традиционных принципов хорошего управления и уме-

ренного налогообложения? На наш взгляд, скорее нет, чем да.

Таблица 1

Основные показатели налоговой системы Китая

Показатели	1990	1995	2000	2005	2010
Налоги в расчёте на душу населения с учётом ППС (constant 2005 international \$)	43	93	182	357	715
Налоговые доходы центрального правительства, % ВВП	3,93	5,02	6,82	8,68	10,48
Налоги на доходы, прибыль и прирост капитала, в % от общей суммы налогов	49,8	12,0	9,1	27,8	25,4
Налоги на товары и услуги, в % от стоимости, добавленной в производстве товаров и услуг	1,5	4,9	5,9	8,9	8,0

Составлено по: [20].

Во-первых, налоги в Китае не препятствуют быстрому и стабильному росту экономики и благосостояния граждан.

Во-вторых, несмотря на сравнительно низкие рейтинговые позиции, существует их позитивная динамика, которая, что важно, присуща всем составляющим рейтинга. Как свидетельствуют данные PayingTaxes 2008-2012 гг., платить налоги типовому предприятию в Китае стало значительно легче.

В-третьих, действительно, ощутимой проблемой является высокий уровень общей налоговой ставки на типовое предприятие, хотя это в определённой мере объясняется сохранением низкого налогового бремени на доходы трудящихся, что в целом отвечает традиционным взглядам и менталитету китайской налоговой популяции.

В-четвертых, происходит постепенное усиление роли налоговой системы как основного механизма, обеспечивающего аккумуляцию ресурсов, необходимых для финансирования общественных потребностей. Подтверждением этому является то, что на сегодняшний момент, правительство сократило практику использования, так называемых, скрытых налогов (hiddentaxes). Скрытое налогообложение использовалось в отношении фермеров и предусматривало установление фиксированных заниженных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, в том числе зерно, с последующей продажей потребителям по более высоким ценам. Что касается оборудования для фермеров, то государство, наоборот, продавало его по завышенным ценам. По оценкам специалистов система скрытого налогообложения за период с 1953 по 1985 гг. по-

зволила правительству получить 600 млрд. юаней от фермеров, что в шесть раз превосходит сумму уплаченного сельскохозяйственного налога и эквивалентно общей сумме инвестиций в государственные промышленные предприятия за тот же период [24, с. 15]. В современном Китае скрытое налогообложение связывается с неадекватной компенсацией фермерам, выплачиваемой при принудительном возврате государству используемого земельного участка. Ещё один современный аспект развития сферы публичных финансов, который отражает изменение роли налоговой системы, связан с уменьшением (но не отказом) обязательных неналоговых платежей (sundrylevies), которые используются для формирования доходов сотен различных внебюджетных фондов, создаваемых как на центральном, так и на местном уровне.

И, в-пятых, оценки бремени налогов следует выполнять с учётом того, что часть китайской экономики находится "в тени", что снижает реальную (а не номинальную) нагрузку на бизнес.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что Восточная Азия находится теперь в зоне устойчивого социально-экономического подъёма. Многие из стран, которые здесь расположены и известны как "государства развития", определяют глобальную экономическую повестку дня в современном мире. Соответственно развивается и расширяет своё влияние Китайско-Восточноазиатская налоговая популяция.

Прежде всего это связано с впечатляющими успехами Китая – страны первой в мире по численности населения и второй – по раз-

мерам экономики. Разумеется, ареал материнской налоговой популяции, её "ядра", не ограничен одним Китаем, а включает также такие развитые страны, как Япония и Южная Корея, которые намного раньше, чем Китай, начали экономические реформы и успели ещё во второй половине XX в. добиться впечатляющих успехов.

Известно, что по ряду важных институциональных аспектов эти страны отличаются от Китая и друг от друга. Например, "в Японии деловые отношения построены в контексте "ва" (*wa*), который подчёркивает групповую гармонию и социальную сплочённость. В Китае бизнес-поведение вращается вокруг "гуаньси" (*guanxi*), или личных отношений. В Корее деятельность связана с заботой об "инхва" (*inhwa*), или гармонии, основанной на уважении иерархических отношений, включая повиновение власти" [3, с. 26]. Можно также отметить различие видов капитализмов в этих странах – японский капитализм общинного типа основан на кэйрэцу, патримониальный корейский капитализм базируется на чеболях, а китайский капитализм основан на семейных связях [26, с. 119-121].

Но, как уже отмечалось, указанные различия не имеют принципиального значения в глобальном эволюционном контексте. А более важно то общее, что объединяет эти страны и их хозяйственные системы (помимо первичных эволюционно-биологических и производных социально-экономических факторов), а именно – цивилизационно-культурная конфуцианская специфика.

В рамках исследуемых налоговых проблем – экономических отношений между людьми и властью, формируемых и развиваемых в контексте той цивилизации и культуры, к которой они принадлежат, принципиальное значение имеют три аспекта конфуцианства.

Первый аспект – это отличное от европейского понимание роли человека в обществе. Западный мир – это атомизированное общество эгоистичных индивидов, действующих рационально в рамках опубликованных, целенаправленно продуманных и корректно сформулированных правил" [20, с. 299]. А конфуцианский мир – это мир социальной координации (иерархии, но и, одновременно, гармонии [26, с. 119]): правитель-подданный, отец-сын, муж-жена, а "... общие правила и ценностные нормы, определяющие повседневное поведение и принятые способы ведения дел – сознательно или бессознательно – получены в ос-

новном из обычая. ...; некоторые учёные называли эти неписанные культурные нормы 'скрытыми правилами' " [24, р. 29] (в отличие от западных публичных).

Второй аспект – это отличное от европейского отношение к целям экономической деятельности. Как прозорливо отмечал М. Вебер, западный мир устроен так, что в нём уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство как на цель жизни [22, р. 18], так что "... человек живёт, чтобы работать, а не работает, чтобы жить" [24, р. 29]. В то же время в конфуцианском мире "... деньги рассматриваются как средство существования и приобретения материальных ценностей, воспринимаемых как ключи к лучшей жизни или способ продемонстрировать социальное положение" [22, р. 30].

И, наконец, третий аспект – это отличные от европейских отношения между государством и рыночными субъектами хозяйствования. В западном мире государство и рынок обычно рассматриваются как альтернативы, связанные с выбором между кейнсианством и либерализмом, Вашингтонским и пост-Вашингтонским консенсусом [32] и т. д. А в конфуцианском мире государство и рынок "... не противопоставлены друг другу, а дополняют друг друга как *инь* и *янь*. В этой модели государственное управление не враждебно частному сектору: более того, оно исполнено большего уважения к предпринимателям, с которыми вступает в переговоры на взаимовыгодных условиях, на основе подхода *выигрыш-выигрыш* (*win-win*)" [26, с. 119]. При этом правительственная занятость традиционно даёт более высокий статус, что означает возможность относительно легко нанимать самых лучших и креативных работников, а поэтому бюрократия "... является элитарной, образованной, эффективной, честной, имеет "самурайско-мандаринское" происхождение" [26, с. 119].

В свете вышеуказанного можно утверждать, что, несмотря на схожие официальные нормы (законодательства о налогообложении добавленной стоимости, заработной платы, прибыли и др.) Китайско-Восточноазиатская налоговая популяция сформировала и развивает свой устойчивый тип экономических отношений между людьми и властью, по сути – особый тип общественной организации, который основан на иной, чем на Западе, историче-

ской и мировоззренческой традиции.

Что касается собственно налоговой системы, то специфику этой популяции можно описать четырьмя основными положениями:

(1) умеренные официальные налоги обычного (западноевропейского) типа (на добавленную стоимость, зарплату, прибыль);

(2) сосуществование официальных налогов с неофициальными (не прошедшими законодательные демократические процедуры) "налогообразными" платежами [24, с. 27-28];

(3) представление власти ответственными элитарными чиновниками самурайско-мандаринского типа;

(4) особое отношение власти к разным налогоплательщикам, включённым в сети социальной координации.

Нельзя дать *априорное* оценочное суждение, хороша такая налоговая система или нет, она просто *иная*, чем, например, у Западно-европейской налоговой субпопуляции (основанной на идеях всеобъемлющего регулирования через формальные нормы и полного равенства как налогоплательщиков, так и представителей власти перед законом). Но *апостериори* такая налоговая система демонстрирует свою высокую приспособляемость (*fitness*), а Китайско-Восточноазиатская популяция в целом – положительную динамику, поскольку совокупную положительную социально-экономическую динамику имеют страны, входящие в эту популяцию.

Современные долгосрочные тенденции таковы, что Китайско-Восточноазиатская налоговая популяция будет продолжать постепенно расти и далее, но не за счёт экспансии в европейском стиле – вследствие военного и/или колониального захвата новых земель и силового принуждения новых подданных к подчинению властям метрополии и уплате налогов (в том числе скрытых) – а за счёт экспансии через рост экономики Восточной Азии и, соответственно, тех социокультурных норм, на которых она базируется. А Европейская налоговая популяция (Западноевропейская субпопуляция) – будет сокращаться, как и её влияние в мире.

Эти обстоятельства важно учитывать при выборе стратегического вектора развития экономики Украины и её налоговой системы, который часто неоправданно характеризуют как "безальтернативно европейский".

Сейчас государства еврозоны входят в группу стран с высоким уровнем доходов, а Украина – в группу стран с доходами ниже

средних. Они (ЕС и Украина) относятся к совершенно разным "весовым категориям" по геополитическим и социально-экономическим критериям.

Очевидно, что:

(1) по объективным причинам соглашения между такими различными субъектами, как ЕС и Украина, не могут быть полностью равноправными (поскольку есть сильная и слабая стороны переговоров, и вероятность того, что сильная сторона окажется альтруистом, очень мала);

(2) даже если считать, что соглашения являются равноправными, они, опять же, по объективным причинам, не могут быть очень полезными для Украины. Это обусловлено тем, что те нормы, к которым намерена присоединиться Украина, органично подходят для ЕС как для общего цивилизационного пространства с высоким (в целом) уровнем развития производительных сил, высокооплачиваемой рабочей силой, западными традициями использования формальных способов координации действий экономических субъектов, низким уровнем коррупции и т.д., и в то же время с высокой степенью вероятности могут оказаться нежизнеспособными в условиях Украины с её низким уровнем развития производительных сил, относительно дешёвой рабочей силой, евразийскими традициями неформального решения деловых вопросов, высоким уровнем коррупции и т.п. Сегодня ЕС и Украина решают разные проблемы, а для этого требуется и разная институциональная, в том числе налоговая, среда.

(3) Украине для интенсификации международных торгово-экономических отношений и формирования связанного с этим нового, благоприятного для развития страны налогового законодательства, целесообразно ориентироваться не на страны с высоким уровнем доходов и насыщенными рынками, которые сегодня находятся на этапе стагнации (ЕС) и имеют сомнительные геополитические перспективы¹, а на те страны, которые стремятся повысить свои доходы и быстро развиваются, а, значит, находятся на этапе экономического подъёма: это страны BRICS (Бразилия, РФ,

¹ Индекс глобального могущества (*global power index*), который базируется на показателях ВВП, численности населения, расходах на оборону и технологии, в ЕС (как и в США) стабильно уменьшается и уже в ближайшее время по этому индексу Китай (а несколько позже и Индия) опередит ЕС [16, p. 17].

Индия, Китай, Южная Америка), MINT (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция)[15], ASEAN (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины);

(4) именно на таких развивающихся и быстро расширяющихся рынках, которые, в отличие от рынков развитых стран, не выдвигают столь высоких требований к качеству технологических процессов и производимых продуктов, Украина может найти новые ниши для сбыта своей продукции, прежде всего – высокотехнологичной, и новые источники для развития экономики. И именно там целесообразно искать положительный опыт и пути формирования "государства развития" ("developmentalstate") [30, с. 67], и стратегические ориентиры для модернизации налоговой системы, решение проблем налогового сопровождения и стимулирования экономического роста. Поэтому в настоящее время развивать налоговую систему целесообразно с оглядкой не столько на Европу, сколько на Китай, Индию, Бразилию, Индонезию и др., которые также применяют (но с учётом собственных реалий и потребностей) достижения современной налоговой теории.

Однако, опять же, это нужно делать с учётом социокультурной (евразийской для большей части страны) и экономической специфики Украины, а также тех вопросов, которые нужно решать на данном этапе её развития – так, как это делают (с учётом своей специфики) страны Китайско-Ближневосточной налоговой популяции.

Что касается ключевой для государства развития проблемы признания власти через "taxcompliance", то единственным способом её решения в стране, разделённой цивилизационными противоречиями, является федерализм, как политический, так и фискальный, когда за центральным правительством закреплено право взимания одного или нескольких прозрачных общегосударственных налогов, имеющих символическое политическое значение, а большая часть налогов в стране взимается по правилам, создаваемым в субъектах федерации в соответствии с доминирующими в них социокультурными традициями.

Литература

1. Adams Ch. For good and evil: the impact of taxes on the course of civilization / Charles Adams // 2nd ed. – Lanham, New York, Oxford:

Madison Books, 2001. – Pp. 50-51.

2. Albert M. Capitalism against Capitalism / Albert Michel; trans. Paul Haviland/ London: Whurr Publishers, 1993.

3. Alston J.P. Wa, Guanxi, and Inhwa: Managerial Principles in Japan, China, and Korea / Jon P. Alston // Business Horizons, 1989. – March-April. – Pp. 26-31.

4. Bloomquist K. Tax compliance as an evolutionary coordination game: an agent-based approach./ K.Bloomquist // Public Finance Review, 2011. – Vol.39. – №1. – Pp. 25-49.

5. Christians A. 2010: Historic, Comparative and Evolutionary Analysis of Tax Systems. University of Wisconsin Legal Studies Research Paper No. 1131.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1674673. [Last Accessed 29 November 2013].

6. Dore R. Finanza pigliatutto. Attendendo la rivincita dell'economia reale. – Bologna: il Mulino, 2009.

7. DoreR. Varieties of Capitalism in the Twenties Century / R. Dore, W. Lazonick, M. O'Sullivan // Oxford Review of Economic Policy, 1999. – Vol. 15. – № 4. – Pp. 102-120.

8. Encyclopædia Britannica Inc. Confucianism. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/132104/Confucianism>. [Last Accessed 29 November 2013].

9. Fukuyama F. Confucianism and Democracy / F. Fukuyama // Journal of Democracy, 1995. – Vol. 6. – № 2. – Pp. 20-33.

10. Garbarino C. An Evolutionary Approach to Comparative Taxation: Theory, Methods and Agenda for Research. Bocconi Legal Studies Research Paper, Bocconi University, Milan 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1116686. [Last Accessed 29 November 2013].

11. Hawksworth, J. The World in 2050. Beyond the BRICs: a broader look at emerging market growth prospects / J. Hawksworth, G. Cookson.– Price waterhouse Coopers LLP, 2008.– 32p.

12. Hodgson G. The mystery of the routine. The Darwinian destiny of an evolutionary theory of economic change/G.Hodgson//Revue economique. – 2003. – Vol. 54. – № 2. – Pp. 355-384.

13. Hussey W.M. Basic world tax code and commentary / W.M. Hussey, D.C. Lubic. – Tax Analysts, 1992. – 267 pp.

14. Lynn R. Race differences in intelligence: an evolutionary analysis. – Washington Summit Publishers Augusta, GA, A National Policy Insti-

tute Book, 2006. – 205 p.

15. Mbonu O. Investors turn from BRIC to MINT. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://businessdayonline.com/2013/03/investors-turn-from-bric-to-mint-2/>. [Last Accessed 29 November 2013].

16. National Intelligence Council, USA. Global Trends 2030: Alternative Worlds. – 2012. – 140 p.

17. PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group. Paying Taxes 2013. The global picture. – Washington, D.C.: Price water-house Coopers and the World Bank Group, 2012. – 156 p.

18. Rodrik D. One Economics, Many Recipes. / Dani Rodrik. // New Jersey: Princeton University Press, 2007. – 263 p.

19. Steinmo S.: The evolution of policy ideas: tax policy in the 20th century. / S. Steinmo // British Journal of Politics and International Relations, 2003. – Vol.5. – № 2. – Pp. 206-236.

20. The World Bank. World Development Indicators 2013. – Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2013. – 123 p.

21. Weber M. Essays in Sociology / M. Weber; translated and edited by Hans H. Gerth and C. Wright Mills. – New York: Oxford University Press, 1946.

22. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translated by Talcott Parsons / M. Weber. – London and New York: Routledge, 1992. – 271 p.

23. Witt U. What is specific about evolutionary economics? / Ulrich Witt // Journal of Evolutionary Economics. – 2008. – №18. – Pp.547-575.

24. Yang B. Characteristic of the Chinese Tax System and its Cultural Underpinnings: A Comparison with West / B. Yang, E. Huang // Journal of Chinese Tax & Policy. – 2011. – Vol. 1. – № 1. – Pp. 13-33.

25. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен; Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – 444 с.

26. Вольпи В., Маццей Ф. Азиатская экономическая модель и Запад: реванш "видимой руки" / В. Вольпи; Пер. с итал. Н. Тюкалова; Научная редакция д.э.н. профессора Ю.В. Таранухи. – М., 2012. – 261 с.

27. Даймон Дж. Ружья, микробы и сталь:

история человеческих обществ / Джаред Даймонд, пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 604 с.

28. История Китая. / Под ред. Меликсетова А.В. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во "Высшая школа", 2002. – 736 с.

29. Нельсон Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер; пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 536 с.

30. Программа развития Организации Объединённых Наций. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / пер. с англ. изд-ва "Весь Мир". – The United Nations Development Programme New York, USA, 2013, с. 67.

31. Сердюк Ю. Менталитет китайцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200300803. [Last Accessed 29 November 2013].

32. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу / Дж. Стиглиц // Вопросы экономики. – 1998. – № 8. – С. 4-34.

33. Федоровский А. Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы / А. Федоровский // МЭиМО. – 2003. – № 4. – С. 77-86.

34. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ЗАО НПП "Ермак", 2004. – 588 с.

35. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален / С. Хантингтон // МЭиМО. – 1997. – № 8. – С. 84-93.

36. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Под общ. ред. К. Королева; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

37. Цивилизационная структура современного мира. В 3-х томах под ред. Ю. Пахомова и Ю. Павленко. Т. 3. Книга II. Китайско-Дальневосточный цивилизационный мир и Африканская цивилизационная общность. Глобальные трансформации и уроки для Украины. – Киев: Наукова думка, 2008. – 639 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2014